ВЫДАЕТСЯ

На правах рукописи

Гогоненкова Евгения Аркадьевна

МЕТАФОРА В НАУКЕ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность: 09.00.08 – философия науки и техники

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук



Москва – 2005

Работа выполнена на кафедре философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Смирнов Николай Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Порус Владимир Натанович

доктор философских наук, профессор Кузнецова Наталья Ивановна

Ведущая организация: Московский государственный индустриальный университет, кафедра философии

Защита состоится 16 сентября 2005 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.212.141.12 по философским наукам в Московском государственном техническом университете им. Н.Э. Баумана по адресу: 105005, Москва, Рубцовская наб., д. 2/18, УЛК, ауд. 720.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГТУ им. Н.Э. Баумана.

НТБ МГТУ им. Н.Э. Баумана
1732219
Гогоненкова Е.А. Метафора

Автореферат разослан 15 августа 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук Власов С.А.

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования познавательного статуса, эвристических, смыслообразующих и выразительных возможностей метафоры обусловлена осознанием ее когнитивной и коммуникативной роли в различных типах дискурса, включая научно-теоретический.

«Как возможна метафора» в научно-теоретическом познании? Является ли она вспомогательным эвристическим инструментом или лежит в основе предметной реальности науки, – этот вопрос оказывается в центре актуальных дискуссий по проблемам научной рациональности, критериев научности, онтологического статуса научного знания, места науки в культуре.

Тематизация статуса метафоры в науке осуществляется в контексте противостояния конкурирующих эпистемологических программ, имеющих принципиально разные философско-мировоззренческие установки, как то: стандартная концепция науки, когнитивистская программа, социокультурные модели, исследовательские стратегии социальной эпистемологии, герменевтическая парадигма, постмодернистские проекты. Крайние позиции очерчивают то проблемное поле, в котором возможно обсуждение темы: от трактовки метафоры как гносеологического девианта в рамках классического идеала научности до признания ее в качестве итога познавательной игры и единственно возможного способа презентации знания в постмодернистском прочтении. Вырисовывается предельно широкая эпистемологическая перспектива – от элиминации метафоры из научного дискурса посредством логических редуцирующих процедур до полной легитимации, интенции представить ключевой фигурой познавательной деятельности.

Весьма значимым для философско-методологического сознания науки остается вопрос о прояснении контекста познавательного функционирования метафоры в условиях отказа от классического наукоцентризма, размывания границ между наукой и иными когнитивными практиками, историко-культурной релятивизации, прагматизации, плюрализации науки, пересмотра ее методологических норм, регулятивов, концептуальных средств.

Обсуждение проблемы места и роли метафоры в науке оказывается непосредственно связанным с отходом от традиционной субъект-объектной модели, перенесением акцента на сферу коммуникации, введением в эпистемологию экзистенциальных, антропологических, культурологических измерений.

На взгляд автора, выявление эпистемологической значимости метафоры сопряжено с отказом от репрезентационизма, представлений о

MITY
им. Н. Э. Баумана
Библиотека

языке как нейтральном средстве научного описания, прозрачной среде, в которой артикулируется знание.

Переход к принципиально иной эпистемологической стратегии, «гуманитарному антропоморфизму» (В.В. Ильин), рассмотрение науки в коммуникационно-деятельностной онтологии, признание принципиального диалогизма научного дискурса, обусловленности познавательного акта контекстом общения, рассмотрение знания как единства значения (предметности) и смысла (понимания) позволяют очертить перспективы исследования метафоры в качестве имманентно присущего научному знанию и деятельности элемента, выявить ее эвристические, коммуникативно-смысловые функции, вскрыть критико-рефлексивный потенциал.

Степень разработанности проблемы

Исследовательский интерес к метафоре в настоящее время охватывает все новые области знания, включая когнитивистику, психолингвистику, семиотику, теорию искусственного интеллекта. Количество работ, посвященных проблеме ее функционирования, обширно и неуклонно продолжает расти. В философском сознании тема метафоры связана с фундаментальными гносеологическими вопросами связи мышления и языка, вербального и невербального, означенного и неозначенного. Отсюда многообразие философских концепций языка, трудности в сопряжении когнитивного, логико-семантического, семиотического, социально-психологического, лингвистического подходов в исследовании феномена метафоры.

История разработки проблемы имеет богатую традицию. Можно обозначить следующие ключевые позиции. Начиная с Аристотеля метафора исследовалась прежде всего как языковой феномен, фигура речи, троп, лингвистический прием, основанный на переносе свойств одного объекта на другой. В рамках традиционного направления, развиваемого в рамках языкознания, риторики, литературоведения, описаны основные функции и свойства языковой метафоры (А.А. Потебня, Р. Якобсон, А.Ф. Лосев). С конца XIX в. исследования метафоры охватывают сферы культурологии, антропологии, психологии, философии (в том числе философии науки), что связано с выяснением роли метафорического процесса в переводе одной системы значений в другую (В.Н. Топоров, В.В. Иванов, О.М. Фрейденберг, Ю.М. Лотман, Э. Кассирер).

В 60-70-е гг. XX в. на фоне развития междисциплинарных исследований обсуждение проблемы метафоры переводится в когнитивно-логическую парадигму: разрабатываются вопросы ее эпистемического статуса, осуществляются дескрипции метафорических образований в различных типах дискурса, изучаются ее когнитивные и коммуникативные

функции (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия). Языковая метафора в рамках когнитивного подхода рассматривается как вербальный репрезентант метафорического переноса, осуществляемого на уровне глубинных мыслительных структур. Выделен специфический слой концептуальных метафор как средств организации опыта (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Д. Олбриттон и др.). Описан когнитивный механизм экстраполяции структур опыта с известного на неизвестное, необходимый для конструирования аналогий в науке (М. Блэк, Д. Гентнер, Б. Боудл, С. Глаксберг, М. Хессе, Р. Харре).

Аналитической философией разработаны принципы анализа значения и «истинностного статуса» метафорических выражений, критерии метафоричности (Н. Гудмен, М. Блэк, Э. Маккормак, Д. Дэвидсон, Дж. Серль).

В рамках советской философии проблема метафоры имплицитно присутствовала в исследованиях по гносеологической проблематике (проблема «активности субъекта познания», «соотношения творческого воображения и отражения» и т.п.) (П.В. Копнин, А.М. Коршунов). Можно отметить анализ метафоры как смыслообразующей структуры в контексте социального действия; выявлена ее ценностно-нормативная значимость как механизма введения, трансформации, трансляции культурных значений (Л.Д. Гудков).

В исследованиях по социологии, истории науки, психологии научного творчества тема поднималась при анализе контекста открытия и обоснования научных гипотез (С.Р. Микулинский, М.А. Розов, Б.С. Грязнов, Н.И. Кузнецова).

В отечественной философии и методологии науки научная метафора изучалась в основном в рамках логико-семантического подхода, прежде всего в аспекте функционирования в научном языке: исследовалась роль метафоры в формировании понятийного и терминологического аппарата научной теории, в процессах миграции понятий из сопредельных областей, вербализации информации, онтологизации, интерпретации теорий (В.В. Петров); эксплицировалась роль метафоры в организации теоретического знания в контексте исследования типов и уровней языка науки (С.С. Гусев).

В ходе исследований проблемы референциального статуса метафорических выражений зафиксирована безуспешность попыток выделения чисто семантических критериев метафоричности, невозможность описания метафорических структур в рамках стандартной референциальной теории фреге-расселовского типа. Для разрешения парадоксов метафорической референции предлагается обращение к реляционным (холистским) и индексальным теориям значения, «расширенным» теориям референции, включающим референциально непрозрачные контексты в поле рассмотрения и использующим семантику возможных миров для придания

теории референции социокультурного измерения. Референциальная специфика научной метафоры видится в уникальности референтов креативной метафоры как феноменов культуры. Данные исследования в основном опираются на аппарат логики и методологии науки, позволяющий осуществить логическую реконструкцию процедур научного описания и объяснения, исследовать категориальные структуры мышления, языка науки, научных теорий, типы логического вывода, возможности формализации и аксиоматизации систем научного знания (В.А. Смирнов, Е.К. Войшвилло, Д.П. Горский, Г.И. Рузавин, А.И. Уемов, Б.С. Грязнов и др.).

Критический анализ мировоззренческих оснований науки и выработка более широких и гибких представлений о научной рациональности – предмет исследования В.С. Библера, В.В. Ильина, С.А. Лебедева, В.А. Лекторского, И.К. Лисеева, М.К. Мамардашвили, А.Л. Никифорова, А.П. Огурцова, В.Н. Поруса, М.А. Розова, В.С. Швырева и др. Для рассмотрения проблемы введения культурного, антропологического, герменевтического и коммуникативного измерений в эпистемологию большое значение имеют философские труды Г.-Г. Гадамера, М. Бахтина, М. Хайдеггера, П. Рикера, опираясь на которые можно описать метафору в качестве средства выражения непредметного содержания, которое открывается в герменевтическом акте понимания.

Трактовка научного дискурса как специфической герменевтической практики Ю. Хабермасом, К.-О. Апелем, социально-конструкционистсткими теориями, опирающимися на несциентистские концептуальные рамки и герменевтические метатеоретические установки (К. Джерджен, Р. Харре), позволяет исследовать роль метафоры в символическом обмене значениями и конструировании социальной реальности. Для раскрытия темы коммуникативно-смысловых функций метафоры в ситуациях междисциплинарного диалога использованы работы В.И. Аршинова, Л.П. Киященко, посвященные синергетическим аспектам языка.

Объект исследования – функционирование метафоры в научном знании и научной деятельности.

Предмет исследования – философско-методологический и теоретический статус метафоры в науке.

Цель исследования – обосновать эпистемологическую значимость метафоры на основе исторического и логического исследования рефлексивных традиций в философии науки.

Задачи:

1) выявить философско-методологические и теоретические основания трактовки метафоры в классической философии науки – как элемента, не соответствующего методологическим нормам и критериям научности и подлежащего исключению из научного знания;

2) прояснить когнитивный смысл метафоры на основе анализа современной метафорологии и социокультурных моделей науки;

3) обосновать понимание метафоры как содержательного элемента научного знания и необходимого инструмента понимания в научной коммуникации в рамках неклассической эпистемологии и теории коммуникативной рациональности.

Методологическая и теоретическая основа диссертации.

Основу диссертационного исследования составили принципы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного, методы сравнительно-исторического и философско-методологического анализа. Автор опирался на деятельностно-коммуникационный подход в эпистемологии и философии науки, теорию коммуникативной рациональности, герменевтическую традицию, позволяющие рассматривать метафору как ключевую фигуру в научном дискурсе, осуществляющую коммуникативно-смысловые функции.

Научная новизна работы состоит в следующих полученных автором результатах.

1. Выявлены философско-методологические и теоретические основания трактовки метафоры в классической философии науки – как вспомогательного эвристического элемента, подлежащего исключению из научного знания в ходе его логического обоснования.

В соответствии со стандартной концепцией науки метафора функционирует в качестве абстракции квазиотождествления на стадии формирования нового знания (контекст открытия), когда осуществляется эвристический поиск номинации. В контексте обоснования, осуществляющемся на основе логических процедур предикации, атрибуции, реификации, верификации, интерпретации, метафорические фигуры мысли, несущие в себе неоднозначность и личностные проекции, элиминируются. Изъятие метафорики из «тела» общезначимого знания фундировано онтологическими допущениями, лежащими в основе классической гносеологии: субъект-объектной моделью, репрезентационизмом, объективистской трактовкой истины.

2. Прояснен когнитивный смысл метафоры, который раскрывается в двух аспектах: 1) метафора функционирует в качестве специфического средства концептуализации опыта, инструмента, позволяющего пополнить семантические ресурсы научного разума и сформировать новые теоретические смыслы на основе категориального сдвига и трансфера значений из одной сферы в другую; 2) метафора является особой формой конструирования и конституирования знания, одновременно принадлежащей и «жизненному миру», и миру теоретических конструктов.

Наличие фундаментальной связи между процессами концептуализации и метафоризации позволяет представить рациональное мышление как снятую метафоричность на всех уровнях артикуляции знания – от базисного уровня категоризации до формирования научной картины мира. Для исследования процессов категоризации/метафоризации на каждом уровне организации научного знания предложена структурно-функциональная типология научных метафор: выделены метафоры-номинации, метафоры – модельные аналогии, метафоры, определяющие ядро научной теории, парадигмальные метафоры и метафоры, принадлежащие к философским основаниям науки, к культурным универсалиям.

3. Обосновано понимание метафоры как содержательного элемента научного знания и необходимого инструмента понимания в научной коммуникации с позиций неклассической эпистемологии, раскрыты коммуникативно-смысловые функции метафоры в ситуации научного общения и междисциплинарного диалога.

Научный дискурс, представляющий собой коммуникативное событие, сложное единство языковой формы, значения и действия, включающее в себя весь экзистенциальный, личностный фон участников данного, «здесь и сейчас» осуществляемого познавательно-понимательного акта, предполагает использование метафорических средств. Живая метафора соединяет эксплицитное и пропозиционально выраженное знание со знанием целостным, холистским, позволяет присоединиться в акте коммуникации к общему значению. Содержательный смысл метафоры – в конституировании среды символического взаимодействия, в осуществлении синтеза дискурсивного объяснения и герменевтического понимания в практике когнитивного общения.

Положения, выносимые на защиту

1. Роль метафоры в науке не ограничивается чисто эвристическими функциями, связанными с выражением гипотетического знания, которое

должно быть заменено теорией в ходе выполнения логических процедур исключения абстрактных объектов. Признание аксиологичности, субъектности, коммуникативности, диалогизма, контекстуальности, конструктивно-творческого характера научной деятельности позволяет рассматривать метафору как неустранимый, неотъемлемый и органичный элемент научного дискурса в силу незавершенности, открытости познавательного акта, обусловленности его контекстом коммуникации, нагруженности экзистенциальными смыслами.

2. Рассмотрение знания в единстве значения (предметности) и смысла (понимания) позволяет вводить метафору в корпус науки как инструмент синтеза объяснения и понимания. Если из предметности метафора может быть элиминирована в результате перевода на язык логико-дискурсивного мышления посредством редуцирующих процедур, то в отношении понимания такого рода процедуры невозможны.

3. Метафорические средства языка выступают и средством перевода из одной смысловой системы координат в другую, и способом поддержания коммуникации, укрепления солидарности, а значит, теоретический текст предстает риторически и идеологически нагруженным. В силу обозначенных причин тропологический анализ научного дискурса, предполагающий выявление и деконструкцию метафор в ходе критико-рефлексивных процедур, следует считать необходимым элементом методологического самосознания науки.

Теоретическая и практическая значимость работы

Полученные результаты могут быть использованы в построении курса по современной философии науки, в котором метафора рассматривается в качестве имманентно присущего науке элемента. Материалы диссертации могут служить основой для чтения общих курсов по эпистемологии и спецкурсов по философии науки.

Апробация диссертационного исследования

Результаты исследования апробированы на следующих конференциях и семинарах: VII Международные Энгельмейеровские чтения «Этические императивы общества электронных коммуникаций» (Москва, 2003); IX фестиваль гуманитарных наук (Оренбург, 2003); конференция «Метафора и метод» (Москва, 2004), IV Российский философский конгресс (Москва, 2005).

Структура и объем диссертации определяется ее целями и задачами. Работа состоит из трех глав, восьми параграфов, введения, заключения, библиографии.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, рассматривается степень ее научной разработанности, характеризуется теоретико-методологическая основа исследования, определяются цели, задачи, объект, предмет, показывается научная новизна исследования, его практическая и теоретическая значимость.

В первой главе «Проблема гносеологического статуса метафоры в классической философии науки» выявляются философско-методологические основания интерпретации метафоры как элемента, связанного с субъективными моментами в познании и потому подлежащего элиминации из научного дискурса в рамках традиционной субъект-объектной гносеологической модели. Рассмотрены факторы, определяющие кардинальную смену эпистемологической стратегии и обусловливающие возможность интерпретации метафоры как конститутивного элемента науки.

В первом параграфе «Постановка проблемы в рамках классического идеала научности» рассматриваются философско-метафизические допущения, на которых базируется классическая когитальная философия и строится классический идеал научности.

Метафизическим основанием эпистемологического проекта, выработанного новоевропейской философией (Бэкон, Декарт, Лейбниц, Кант), выступают такие основополагающие онтологические допущения, как «соответствие между порядком вещей и порядком идей», прозрачность актов сознания, их воспроизводимость. Центральным пунктом гносеологической программы классической философии является понятие «абсолютного субъекта», универсального мыслящего «Я», которому открывается единый, гомогенный, устойчивый мир объектов. Главная цель конструкции абсолютного самосознания – выделение общезначимого, воспроизводимого, объективно-всеобщего содержания путем десубъективизации, деперсонификации, элиминации из опыта всего, что связано с субъектом, способами и средствами его познавательной деятельности, его целями и ценностями.

Абсолютная прозрачность отношений субъекта и объекта предполагает изоморфное соответствие языка описания некоторому фрагменту действительности, отсюда ориентация новоевропейского разума

на методически отрефлексированный объектный язык, подчиненный задаче ясного выражения предметного содержания и характеризующийся семантической референциальностью. Язык науки апеллирует к точным дефинициям и предполагает экспликацию терминов и понятий. Соответственно структуры теоретического знания – как рационализированный результат познавательной деятельности – должны быть представлены в логически очищенной форме, отвечать требованиям объективности, рациональности, точности, строгости, однозначности, обоснованности. С этим связаны призывы классической гносеологии к «очищению» языка науки от полисемии и метафоричности и требования репрезентировать результат научной деятельности в однозначных логико-вербальных формах.

Нововременной естественнонаучный разум жестко разводит рационально-логическое и тропологическое. Тропам отводится сфера мифопоэтики; метафора, понимаемая как перенос смысла, уподобление одного объекта другому и потому несущая в себе индивидуализирующие, личностные смыслы, принципиально исключается из научного дискурса в силу несоответствия его методологическим нормам. Эта линия явно прослеживается в классической философии науки.

Базирующийся на идее недвусмысленного понятийного языка проект реконструкции универсального языка науки, предпринятый логическим позитивизмом (М. Шлик, Р. Карнап, Б. Рассел, А. Айер, Л. Витгенштейн), продолжил линию изъятия метафизических суждений, «анимистских» и «виталистских» элементов, т.е. неверифицируемых высказываний из специализированного языка науки. Поскольку эмпирическое значение подобных выражений нельзя установить однозначно и они не согласуются с такими методологическими ценностями, как точность, эксплицитность, определенность, то должны быть элиминированы из языка, претендующего на строгость описания.

Сегодня эта позиция представлена так называемой «стандартной концепцией науки», которая ориентирована на пропозициональную трактовку научного знания и логическую реконструкцию процедур научного описания и объяснения, анализ правил логического вывода и установление семантического отношения истинности.

Аналитической философией, продемонстрировавшей невозможность редукции многообразия языковых опытов к универсальной логической форме, свободной от фигуративного измерения обыденного языка, обозначен переход от философии сознания к философии языка и разрушение классической гносеологической субъект-объектной модели.

Во втором параграфе «Неклассические трактовки языка и проблематизация темы в контексте «лингвистического поворота»

рассмотрена та линия философской мысли, которая, проблематизируя примат разума и рациональности в познании, очерчивает проблемное поле и исходные установки неклассической философии. Развитой в классической эпистемологии модели идеального знания, вытекающей из представления о языке как чистом «зеркале мира», противостоит традиция неклассической трактовки языка в аспекте его существования, процессуальности, развития (Дж. Вико, йенские романтики, В. фон Гумбольдт, Ф. Ницше). Базовые интенции неклассической, нерационалистической философии связаны со стремлением снять ограниченность логико-понятийного, предметного языка и выявить его бытийное измерение, реализующееся в живой метафоре, символе и мифе. Э. Кассирер рассматривает науку как одну из знаково-символических культурных форм, участвующих в символическом построении мира и вырастающих из исходной целостности человеческого сознания. Символ выступает тем синтетическим началом культуры, средством структурирования опыта и конституирования мира, в котором воплощено единство интеллигибельного и феноменального. Пересмотр Кассирером субстанциональной концепции понятий и рассмотрение понятия как функции стал важным шагом в сторону критики классической теории абстракции, радикальным образом осуществленной поздним Л. Витгенштейном.

В концепции языковых игр Витгенштейна подвергнута критике теория категоризации как методической деятельности рассудка, опирающейся на органон логики. С позиций прагматической концепции значения репрезентативная функция языка трактуется как производная от коммуникативной, и тогда язык становится не логическим исчислением, но социальной практикой, обусловленной функциональным единством языкового употребления, жизненной формы и ситуационного мира.

Деабсолютизация репрезентативной функции языка позволяет обнаружить его бытийную плотность, онтологическую самостоятельность, а традиционный способ анализа субъект-объектных отношений уступает место исследованию отношений между языком и миром. Если для классической мысли язык выступал универсальным средством репрезентации аподиктически достоверного знания, то лингвистическая философия фиксирует факт непроясненности, непрозрачности языка как основания теоретико-познавательной деятельности и смещает акцент на исследование его функционирования в реальном временном измерении. «Лингвистический поворот» поэтому становится важной вехой в переосмыслении феномена языка и в формировании новой парадигмы метафоры, связанной со становлением неклассической эпистемологии.

Во второй главе «Становление метафорологии и неклассическая философия науки» представлены ключевые позиции в современной

лингвистической философии и философии науки, которые позволяют проследить эволюцию эпистемологического статуса метафоры, пути превращения ее в неотъемлемый элемент научного знания и деятельности.

В первом параграфе «Лингвофилософские концепции природы метафоры» рассматриваются теории метафоры, в которых разрабатываются вопросы ее эпистемического статуса, изучаются ее когнитивные и коммуникативные функции, осуществляется выход за пределы сугубо лингвистической трактовки как переноса имени. Рассмотрена смена методологических регулятивов и схем интерпретации метафоры: от интенции «окончательной редукции» к рассмотрению ее как основного элемента эпистемологического дискурса.

В рамках современной философии науки выделены две ведущие стратегии к анализу метафорических образований. Первая – сциентистски-ориентированная – заключается в выявлении метафор в структурах научного знания, прояснении их эвристической роли (номинация, дескрипция, моделирование, реструктуризация, построение гипотез и т.п.) и последующем переводе их на язык логико-дискурсивного мышления. Цель этой стратегии – путем логических редуцирующих процедур (экспликации, интерпретации, верификации, введения и исключения абстракций др.) осуществить сведение концептуальных построений, несущих в себе проекции индивидуальных ценностей исследователя, к таким понятийным структурам, которые соответствуют стандартам научного знания.

Так, в рамках традиционного логико-методологического подхода описывается номинативная функция метафор, связанная с расширением семантического потенциала науки (Г. Кулиев, В.В. Петров), функция эпистемного доступа (Р. Бойд), модельной аналогии (М. Хессе), гипотетического описания. В этом контексте методология науки отводит метафоре роль особого механизма продуцирования когнитивных инноваций.

Второй стратегический путь, связанный с отрицанием односторонности логицистского подхода, состоит в попытке сближения «чистого рацио» с «когито» – реальным познавательным процессом – через прояснение метафорических оснований логического дискурса.

Эта позиция представлена современными философско-лингвистическими теориями метафоры, связывающими ее эвристические возможности с *пониманием* как интегральной функцией разума (Н.С. Автономова, С.С. Гусев, А. Анкерсмит), интеракционным синтезом (М. Блэк). Метафора при таком подходе трактуется как выражение целостного способа восприятия предмета или явления и отношения к нему, позволяя включить предмет в общую систему координаций и связей, в структуру жизненного мира и тем самым задавая возможные исследовательские стратегии. В философском смысле метафора преодолевает заданный классической метафизикой онтологический разрыв

между субъектом и объектом, языком и миром, рациональным самосознанием и реальным познанием, будучи своего рода эпистемологическим мостом между знанием и бытием. Такая трактовка метафоры связана с коренной трансформацией проблематики Cogito, открывая в ней новое измерение существования, что и демонстрируют различные неклассические подходы к анализу науки, актуализирующие ее жизненно-смысловые основания.

Во втором параграфе «Когнитивные теории метафоры» рассмотрены результаты исследования метафоры как особой мыслительной структуры и формы репрезентации знания в рамках когнитивного направления, задающего специфический ракурс рассмотрения проблемы познавательного статуса метафоры. Смысл когнитивного подхода к исследованию метафоры состоит в том, что идеализированные когнитивные модели, глубинные структурные отношения между группами понятий рассматриваются независимо от языка.

Так, в работах Д. Лакоффа и М. Джонса показано, что метафорический процесс связан с механизмом трансформации глубинных когнитивных структур в формы абстрактного мышления. Метафора, определяемая в этих рамках как пересечение концептуальных областей, выступает важнейшим инструментом категоризации мира в целом и отдельных предметных областей, способом структурирования восприятия и чувственного опыта. Понятийная система человека метафорична по своей сути, а метафорический концепт является посредником между репрезентацией мира в абстрактных понятиях и сенсорным опытом.

В рамках когнитивистской программы осуществляются исследования метафор, функционирующих в качестве модельных аналогий на основе когнитивного переноса структурных отношений. Так, в работах Д. Гентнер с позиций теории структурного отображения исследуется механизм смены знания.

Данные когнитивных наук позволяют констатировать наличие фундаментальной связи между процессами концептуализации и метафоризации: метафора, принадлежащая сфере мысли и встроенная в когитальные структуры как метафорический концепт, формирует субстанциональную основу большого массива абстрактных и теоретических понятий, с которым оперирует логико-дискурсивное мышление. Метафорический перенос осуществляется на всех уровнях когнитивного процесса – от базисного уровня категоризации до формирования научных гипотез и теорий.

В третьем параграфе «Социокультурные версии философии науки о статусе метафоры» трактовки метафор как структур организации опыта,

специфической формы конструирования научного знания соотнесены с исследованиями социокультурных оснований развития науки.

Рассмотрена теория корневых метафор С. Пеппера, в соответствии с которой исходная фундаментальная аналогия выступает и средством, и специфической формой моделирования, конструирования философского и научного знания на том или ином этапе истории науки, обеспечивая системность в способах задания предметной области, постановке проблем, поиске средств анализа и вычленении исходных его единиц.

Понятие корневой метафоры соотнесено в диссертации с близкими по смыслу понятиями «парадигма» (Т. Кун), «базисная метафора» (Э. Маккормак), «научная картина мира» (В.С. Степин). Содержательная экспликация этих понятий предполагает исследование социокультурных оснований развития науки, анализ философско-мировоззренческих оснований, глубинных структур науки, лежащих в фундаменте культуры и образующих доминирующую категориальную матрицу определенной исторической эпохи. К таким культурным универсалиям и принадлежат ключевые метафоры, которые разворачиваются через сеть передающих метафор, артикулируются в разного типа дискурсах, включая научный, и обнаруживают себя в системе символических объективаций (исследовательские стратегии, процедуры и методики, технические приборы и др.). М. Фуко называет подобные структуры, задающие порядок конструирования знания, эпистемами. В отечественной философии науки они получили название познавательных моделей.

Укорененность науки в культуре означает, кроме того, погруженность ее в структуры «жизненного мира», обусловленность дорефлексивным, «неявным» (М. Полани) предпосылочным знанием, которое так или иначе присутствует в научных интерпретациях, предопределяя исследовательские установки ученого.

Решение вопроса о взаимосвязи обыденного познания и научных представлений позволяет переосмыслить проблему эпистемологического ресурса метафоры в принципиально неклассическом ключе. Рассматривая проблему генезиса знания, социокультурные теории исследуют процессы введения новых теоретических представлений, возникновения инноваций, перехода от одного типа описания к другому.

В этом плане в диссертации рассмотрена теория эпистемологической прерывности Г. Башляра. Отмеченный им разрыв между рациональным конструированием, свойственным научному духу, и творческим воображением, «поэтикой грез», миром «аксиоматических метафор» маркирует непереводимость разных типов знания, их невыводимость друг из друга. В концепции истории науки Башляра социальные, культурные и исторические значения проникают в самую суть когнитивной структуры

науки, историческое измерение признается конститутивным, сущностным фактором науки.

Социокультурные модели науки, осуществляя переход от модальности долженствования к модальности существования, прочерчивают тем самым явную границу между методологией и философией науки. Если логика и методология науки стремится к устранению метафор как вспомогательных абстракций посредством операции исключения абстракций, формализации, перевода в логическое исчисление, то философия науки позволяет выйти за рамки логико-семантического анализа и перевести исследование проблемы на уровень философско-мировоззренческого осмысления.

Так, социокультурный анализ науки демонстрирует, что метафора оказывается связующим звеном между обыденными интерпретациями и теоретическими конструктами и одновременно точкой эпистемологического разрыва, с которой начинается движение к теоретизации, рациональному конструированию. Рассмотренные позиции позволяют сделать вывод о переосмыслении эпистемологической роли метафоры в рамках неклассических концепций науки, фиксирующих ее социокультурную и ценностную природу, и послойно выделить и типологизировать метафорические образования, наличествующие в теле науки: 1) базовые метафоры, принадлежащие к философским основаниям науки, к культурным универсалиям; 2) парадигмальные метафоры – познавательные модели, задающие научные онтологии; 3) метафоры, задающие структуру научной теории; 4) метафоры, функционирующие в качестве модельных аналогий, и 5) метафоры-номинации, выполняющие функцию введения новых понятий и терминов.

В третьей главе «Эпистемологический статус метафоры в коммуникационно-деятельностной парадигме» очерчены перспективы исследования метафоры как содержательного, имманентно присущего науке элемента в рамках формирующейся деятельностно-коммуникационной онтологии.

В первом параграфе «Социальная эпистемология о риторическом измерении научного дискурса» рассмотрены социально-конструкционистстские теории (С. Московичи, К. Джерджен, Р. Харре), которые акцентируют внимание на механизме освоения научных представлений обыденным сознанием посредством включения их в систему существующих социальных конвенций. Эти теории ориентированы на поиск несциентистских концептуальных рамок и герменевтические метатеоретические установки.

Ведущую роль в социокогнитивном процессе конструкционистские модели отводят коммуникации. Понятия, в которых происходит осмысление

мира, трактуются как социальные артефакты, результат социальной интеракции. Описанные Московичи механизмы анкоринга (укоренения в сети семантических значений) и объективации (перевода абстрактного содержания в овеществленное слово) обусловлены действием метафорических процессов. Будучи неотъемлемой частью когнитивных, коммуникативных, поведенческих социальных образцов, лингвистические образы и риторические фигуры становятся конституирующими элементами социальной практики.

Исследовательская стратегия социальной эпистемологии опирается на герменевтическую традицию. Ее ключевым моментом становится рассмотрение социальной практики как завершенного текста, а субъекта – как «текстуального существа» (К. Джерджен). Средством символического конструирования мира и способом символического обмена смыслами становится прежде всего лингвистическая коммуникация. Реконструкция этого процесса требует интерпретирующих процедур, а не объясняющих логических схем в каузальных терминах. Язык и его метафорические и риторические средства здесь выступают способом поддержания коммуникации, укрепления солидарности, обеспечивающим «собранное единство мысли» (Г.-Г. Гадамер). Тропы и описательные термины, не фиксирующие отношения референции, принятые в том или ином коммуникативном сообществе, выступают как существенная детерминанта научных дескрипций, образуя набор социально-договорных форм значения в рамках данного дискурса.

Итак, с позиций конструкционистски-ориентированной эпистемологии метафорические структуры (лингвистические образы) неустранимы: они выступают конституирующими элементами социальной практики, образуя среду символического взаимодействия и продуцирования социальных смыслов, живую ткань социального дискурса, в том числе научного.

Второй параграф «Проблема метафоры в контексте антропологически-ориентированной эпистемологии» посвящен анализу семантических возможностей метафоры в рамках антропологической и герменевтической парадигмы в философии, осуществляющей тематизацию культурного, герменевтического и коммуникативного измерения. Переосмысление понятия рациональности в терминах «человекоразмерности» задает новый вектор анализу метафоры в научном дискурсе.

В этом плане ценны идеи М.М. Бахтина, который вместо абстракций традиционной гносеологии вводит в философию познания исторически действительное участное сознание, фундируя построение

антропологической теории познания новой онтологией человеческого бытия, онтологией поступка.

Выход за пределы сферы когнитивного, поворот к новой онтологии, преодолевающей философию Cogito, был осуществлен и в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера. Отталкиваясь от его идеи об онтологическом различии бытия и сущего и опираясь на его критику и деструкцию языка метафизики, можно ввести два языка описания действительности: язык вещный, связанный с репрезентацией, и язык бытийный, связанный с пониманием как существованием. Субъект-предикатная, пропозициональная форма языка приспособлена для выражения лишь предметного измерения действительности. Действительность как деятельностно-коммуникационный универсум может быть понята только на основе экзистенциально-герменевтической процедуры интерпретации смысла бытия и требует языка, освобожденного от власти пропозициональной логики. Такой язык может быть только языком метафор, непрямых сообщений, в нет замкнутости и однозначности, но обнаруживается многослойность смысла. Метафора и есть средство выражения бытийного (не предметного) содержания, которое открывается в герменевтическом акте понимания, через со-бытие.

Переход от понимания как способа познания (тождественного в классике объяснению в каузальных терминах) к пониманию как способу существования П. Рикер назвал «поворотом от эпистемологического понимания к понимающему бытию». С позиций герменевтики, обрисованной Гадамером и Рикером, онтологическое понимание означает принадлежность интерпретатора своему объекту. Интерпретация берет начало в бытии, а осуществляется и выражается именно в языке путем выявления скрытого смысла в смысле очевидном. Если в акте объяснения осуществляется редукция к языковым знакам, то в основе акта понимания лежит семантическая инновация, сдвиг на уровне смысла, который создается метафорой.

Рикеровский подход, который он обозначил как «прививку герменевтики к феноменологии», противоположен гуссерлевскому идеалу однозначности, и определяется сверхзадачей, которая состоит в «воссоединении человеческого дискурса». Понимание как со-бытие требует особого языка – охватывающего более глубокие пласты значений и смыслов и выходящего к горизонту «жизненного мира» и потому метафорического.

В третьем параграфе «Критико-рефлексивный потенциал метафоры: теория коммуникативной рациональности и постмодернистские проекты» описаны ресурсы метафоры из перспективы коммуникативной парадигмы и в постмодернистском прочтении.

Выдвинутая Ю. Хабермасом метафилософская теория коммуникативной рациональности знаменует собой радикальную смену стратегии в теории познания, которую можно обозначить как «коммуникативный поворот», смысл которого состоит в смещении акцента от когнитивного полюса к коммуникативному.

Универсальная прагматика Хабермаса, исследующая всеобщие условия возможности понимания, коммуникативно-смысловые функции языка, позволяет выявить *рациональный* характер практики взаимопонимания.

Анализ функционирования языка в его коммуникативном измерении требует учета всего «фона невысказанных допущений и практик», той сложной гетерогенной среды, в которой протекает диалогическое общение между представителями различных дисциплин, между альтернативными подходами и программами научного исследования. В философско-методологическом смысле это означает отказ от гносеологического монизма и переход к эпистемологическому плюрализму, связанному с подчеркиванием определяющей роли коммуникации, конвенций и социокультурных факторов в познавательном опыте.

У 173219

Важнейшее следствие из универсальной прагматики Хабермаса, имеющее методологический смысл для целей настоящего исследования, – постулирование внутренней связи между когнитивным и коммуникативным измерением языка, с одной стороны, и между пониманием и взаимопониманием – с другой. Это означает, что, во-первых, процедуры обоснования научного знания – как дисциплинарно организованного, так и возникающего на междисциплинарных стыках – должны включать в себя, наряду с когнитивными стратегиями понятийного осмысления, и коммуникативные стратегии, фиксирующие уникальность данной, ситуационно обусловленной познавательной ситуации. Во-вторых, из универсальной прагматики вытекает, что предпосылки взаимопонимания между людьми укоренены в структуре речевых высказываний, особое место среди которых принадлежит высказываниям метафорическим как личностно модулированным структурам общения, речевым моделям диалоговых отношений. Методологическим следствием такого подхода является возможность соотнести диалоговые отношения с традиционными для научного познания формами обоснования, объяснения, понимания, аргументации и ввести прагматику действия в ресурс эпистемологического обоснования. Дискурсивное объяснение дополняется герменевтическими практиками понимания, когда стираются жесткие границы между гуманитарным и естественнонаучным знанием, между наукой и философией науки, между наукой и вненаучными формами познания.

Исходя из базовых принципов коммуникационно-деятельностной парадигмы должны быть переосмыслены и основания для построения общей

МГТУ
им Р[illegible]МАНА
[illegible]СКА

теории метафоры. Одна из возможных версий – синтетическая метафорология Б. Дебатина, базирующаяся на аналитической философии языка и теории коммуникативной рациональности. Посредством рефлексивной метафоризации – особого герменевтического акта – метафора становится зримой, видимой и потому доступной для рациональной рефлексии. Пройдя через процедуру критической рефлексии, метафора может на рациональном уровне служить средством связи между различными сферами опыта и дискурса. Коммуникативный смысл метафоры состоит в том, что она соединяет эксплицитное и пропозиционально выраженное знание с неявным, холистским, целостным знанием. Значение живой метафоры не предопределено, но всегда является результатом интерпретативного и коммуникативного конструирования и рефлексии.

Важнейшую функцию метафоры в поликультурном гетерогенном мире – переописание – акцентируют постмодернистские версии философии науки.

Так, в теории редескрипции Р. Рорти метафора, будучи продуктом игрового экспериментирования, предваряет появление новой языковой игры и открывает новые перспективы дискурса, снимая конвенциональные установки языка. Деметафоризация – трансформация в общезначимые выражения – является важнейшим фактором эволюции языка и средством превращения метафор в класс «инструментов социального прогресса».

Понимание метафоры как сугубо риторического способа перехода от одной языковой игры к другой, не требующего апелляции к внелингвистической реальности, позволяет выявить ее разоблачающую, деконструктивную роль в научной деятельности: она демонстрирует, что в локальной текстовой продукции за логикой может скрываться риторика, за доказательством – убеждение.

Постмодернистские стратегии позволяют в определенной мере снять традиционное для философии отграничение теоретико-познавательного мышления от риторики и поэтики и легитимировать присутствие в нем фигуративного измерения, метафоричности как условия коммуникации. Кроме того, постмодернистский стиль мышления содержит в себе определенный интеллектуальный ресурс для построения философии науки, ориентированной на междисциплинарность, диалог научных дисциплин с разными познавательными проблемами, предметными областями, исследовательскими традициями, «словарями».

Если понимать научный дискурс как живое коммуникативное событие, включающее в себя весь неартикулируемый экзистенциальный, личностный фон участников познавательно-понимательного акта, то метафора выступает как его необходимый элемент. Будучи средством подключения дополнительных коммуникативных размерностей и специфического контекста, метафора в научном дискурсе становится

инструментом создания нелинейного, незавершенного текста. И именно метафорический язык может быть языком междисциплинарного общения – «синергийной коммуникации», в которой осуществляется синтез объяснения, понимания и общения.

В заключении приводятся результаты проведенной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. Гогоненкова Е.А. Эпистемологический статус метафоры: экспозиция проблемы // Credo. – 2004. – №2 (38). – С. 120-140. – 1,1 п.л.;

2. Гогоненкова Е.А. Эпистемологический статус метафоры: экспозиция проблемы // Credo. – 2004. - № 3 (39). – С. 89-109. – 1,0 п.л.

3. Гогоненкова Е. Еще раз о месте метафоры в научном дискурсе: постнеклассический подход // Высшее образование в России. – 2005. – №1. – С. 141-147. – 0,7 п.л.

4. Гогоненкова Е.А. Метафора в научном дискурсе – предмет эпистемологической рефлексии // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.). – Т. 1. – М., 2005. – С. 75-76. – 0,1 п.л.

Напечатано с готового оригинал-макета

Издательство ООО "МАКС Пресс"
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
Подписано к печати 13.07.2005 г.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л.1,25.Тираж 150 экз. Заказ 426.
Тел. 939-3890. Тел./Факс 939-3891.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.